

РЕАЛЬНОСТЬ, КОТОРУЮ МЫ СОЗДАЕМ
САМИ

ВАРИАНТЫ

16+

АННА ДАНИЛЬЧЕНКО

Анна Данильченко

Варианты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45867291

SelfPub; 2021

Аннотация

Осознаем ли мы до конца, что, принимая любое решение в своей жизни, мы способны создавать альтернативные реальности? Сколько возможностей открывают знания, скрытые в чертогах нашего мозга, пользоваться которым мы за века эволюции так и не научились? Бывает так, что ответы находят нас сами, даже если вопросы никогда не приходили нам в голову...

Анна Данильченко

Варианты

Глава 1

Красок не осталось, осень высосала их из мира, оставив только серость и морось, оседающую на ресницах, воротниках, очках проходящих мимо людей. Яркими пятнами в этой серости оставались стоп-сигналы машин, притормаживающих на перекрестке перед светофором. Почему-то именно эта картина заставила меня очнуться, вынырнуть из омута боли и горечи. Я поняла, что руки без перчаток замерзли и покраснели, что волосы, не покрытые платком, намокли и теперь лежали на голове неопрятными патлами. Платок я сжимала в правой руке, неаккуратно, его край волочился по грязному асфальту, давно превратив дорогу вещьцу в половую тряпку.

Я вздохнула. Жизнь продолжается. Как там говорила моя любимая Скарлетт О'хара, сталкиваясь с очередной неприятностью? – Я подумаю об этом завтра. Завтра не завтра, но явно чуть попозже, сейчас необходимо добраться до дому и выпить... нет, сегодня явно не чаю.

Бутылка коньяка уже лет 8 пролежала в прикроватной тумбочке, под кипой журналов и романов в мягкой обложке, если я не ошибаюсь, как раз в том году, когда мне ее пода-рили, я выпила последнюю рюмку на празднование Старого

Нового года и больше к алкоголю не притрагивалась вообще. Просто не хотела, как насиловать свой организм, так и быть посмешищем в глазах окружающих – алкоголь действовал на меня всегда крышеуносяще.

Понимая, что этим горю не поможешь, я все же достала забытую бутылку и потянулась к рюмке на верхней полке кухонного гарнитура. В это время звякнули ключи у входной двери. Только не это! Ты слишком рано! Я еще не придумала, что делать, как повести себя в такой ситуации...

Нет, это всего лишь Машка с Павликом. Малыш ворвался на кухню раскрасневшийся, холодный, звонкий, как колокольчик. Я, торопясь, вылила в себя вонючую жидкость, поперхнувшись. На удивление, обратно она не попросилась, тело согрелось, появилась легкость, все это буквально за пару секунд. Внук уже прижимался румяными щечками к моим коленкам.

– Буся, мы сеня песню чили, па деский сад! – заявил он с гордостью, оглядывая обеденный стол. – Чу кушать.

Маша тоже разделась, зашла на кухню вразвалочку, вызывающе поглядела мне в глаза. А, да, мы же поругались утром, перед уходом на работу. Чего я хочу, подарила дочери свой противный характер да еще воспитала бойцом. Все нормально, дочка, переживем. Все переживем.

– Ты что, пьешь? – она недоверчиво принялась, оглядывая пустую столешницу с одинокой рюмкой. – Мааам?

Я сделала страшные глаза и кивнула на Павлика. Дочь

недовольно поджала губы, переключилась на ребенка:

– Ты что, на ужине в саду вообще не ешь?

– Ешь, – мальчишка уже сидел за столом, оглядывал свои руки, близко поднеся их к лицу. – Аёна Сегена казава микобы стааашные!

– Ну пойдем выгонять твоих страшных микробов горячей водой, а потом кушать. – Маша смягчилась и в голосе зазвучала улыбка. Мне тоже достался лучик ее тепла.

Они быстро поужинали и собрались на день рождения одноклассницы Павлуши. Маша, подкрасив губы, подошла, окатив волной умопомрачительного аромата. Я все стояла у кухонного стола, уставившись в стеклянную дверцу кухонного гарнитура, казалось бы, вообще не моргая.

– Мам, что случилось?

А случилось то, что на сорок восьмом году жизни, после двадцати пяти лет совместной жизни я застукала своего мужа за изменой. Случись это пару лет назад, меня бы уже не было в квартире, а Игореша, возможно, с травмами, несовместимыми с жизнью, валялся в морге городской больницы.

Алена Петровна, моя начальница, позвонила мне в разгар рабочего дня и попросила принести документы ей домой. Классическая такая многоходовочка. Дверь, конечно, оказалась открытой, в прихожей, естественно, стояли башмаки моего благоверного, на вешалке висела его куртка, еще покрытая тонкой пленкой мороси, источающая аромат, который мы с ним выбирали две недели назад в Летуале. Нет,

никаких разговоров за стенкой типа: “Я люблю только тебя, а жену скоро брошу”, никаких шепотов и признаний. Просто ритмичный скрип кровати, томные стоны Алены, его грудные побряхтывания. По началу я замерла, не в силах сделать даже вдох, потом повернулась и на цыпочках вышла из квартиры.

Сука. Как будто непонятно, для чего и почему старается Алена. Ей в следующем месяце полтинник, а она до сих пор не вышла замуж – все карьеру делала.

От Игоря не ожидала, конечно. Странно, но рюмка коньяка абсолютно меня успокоила. Ну да ладно. Уволиться сейчас, когда год назад взяли ипотеку для сына, это вообще не вариант. На какую работу с радостью берут сорокасемилетних? Да еще и в нашем захудалом городишке. Я всю жизнь проработала в этом банке, с его открытия, после окончания университета... Если еще и без помощи Игоря остаться, вообще кранты. Квартира, в которой мы прожили столько лет, была подарена мужу после армии, еще до нашего знакомства, его партийно-активной бабушкой.

Ну вот и чудно. Не было ничего. Ни стонов за стеной, ни мороси этой треклятой, ни этого дня. Ни-че-го.

Из дома в глухой сибирской деревушке я уехала в 17, прямо на следующий день после дня рождения – на учебу. И приезжала в отчий дом не больше трех раз – не слишком-то тянуло меня в дом, где не было ни любви, ни доверия. Ро-

дители разошлись через пару месяцев после моего отъезда. Не разводились официально, просто перестали жить вместе. Встречаясь на улице, просто проходили мимо, как чужие люди, но, похоже, их полностью устраивала такая ситуация.

Мать была довольна абсолютно сложившимся положением. Оставшись одна, она спокойно пережила перестройку, потерю работы, которая была раньше смыслом ее жизни и занялась разведением цветов. Создавая необходимый климат в десяти огромных теплицах, которые занимали всю площадь огорода в 18 соток, мать все свое время отдала любимому делу. Она до сих пор занимается этим, но ассортимент ее продукции расширился. Теперь она единоличная владелица и по совместительству генеральный директор большой агрофирмы. Оказалось, этот насквозь советский человек, умеет грамотно вести бизнес – она превратилась в коммерсанта, которых не воспринимала раньше как класс.

Отец же жил с деревенской учительницей начальных классов – тихой, скромной женщиной, почти прозрачной от излишней худобы, с большим узлом пепельно-седых волос на затылке и тонкой пергаментной кожей на острых скулах. В последний свой приезд, пятнадцать лет назад, я познакомилась с ней поближе, она оказалась очень интеллигентным и чутким человеком, дала мне пару советов по воспитанию трудных подростков, помогла понять себя.

Я долго не могла понять причины развода родителей, пока, двадцать лет спустя за рюмкой чая, мы не задели эту те-

му с братом. Коля старше меня на шесть лет, и к моменту моей учебы, окончив ПТУ в районном центре и отслужив в армии срочную, уже вернулся в родную деревню, женился и родил двоих замечательных близнецов-девчонок. Он рассказал мне, что мать застукала отца в постели с Ираидой Васильевной – той самой учительницей, вернувшись с собрания руководителей завода немного раньше. Мне было очень обидно за мать, и я не понимала отца – променять мою статную, красивую, умную мать на эту серую мышку с тонкими ручками и тихим голоском. Но потом, немного подумав, поняла – властная и деспотичная, моя мать загоняла в угол его мужское начало, тогда как с Ираидой отец смог почувствовать себя добытчиком и мужиком. Сейчас эта ситуация, так сильно напоминавшая мою, не казалась мне такой неразрешимой. У матери вот хватило сил разрушить семью, сохранив гордость, а у меня, такой взбалмошной и бескомпромиссной – нет.

Игоря я встретила в 19, на втором курсе университета, он жил на третьем этаже общаги, а я на пятом. Мы окунулись в любовь с головой, четыре раза расставались навсегда, затем снова сходились навеки. Снимали комнату в квартире с полуслепой, дурно пахнущей, бабушкой.

А потом он женился – от него забеременела дочка ректора нашего университета. Узнав о предательстве любимого, я была готова убить его, рвала и метала. Выкинула все его вещи, порвала все фотографии, однажды, встретив парочку

на улице, расцарапала ему лицо, а ей вырвала пару клоков блондинистых волос.

С универа меня пытались вытурить, девчонка пожаловалась отцу, но я выстояла, пережив пару месяцев настоящей травли от педагогов. Именно тогда и научилась я выживать любой ценой. Голодная, оборванная, я вернулась со съемной квартиры в общагу, полную пьяных, осатаневших от вседозволенности девяностых, студентов, и учила, учила, учила.

Через год он приполз на коленях, плакал, просил прощения, говорил, что она его обманула. А потом наигралась и бросила. Ребенок у них родился азиат. Наивный Игореша поверил ее заверениям, что переспали они на дне рождения одногруппника. Тот вечер мой будущий муж не помнил – слишком много было употреблено алкоголя. А угроза отчисления из универа довершила начатое, парень испугался и взял на себя ответственность за то, чего, как он всегда уверял, не совершал.

Я простила его через полгода ежедневных уговоров. Простила и поверила. Никогда бы не подумала, что после такого он сможет снова изменить.

После учебы мы уехали в родной город Игоря, маленький северный городок на краю географии. Он устроился инженером на целлюлозно-бумажный завод, а я – бухгалтером в новый банк. Банки в то время появлялись как грибы после дождя, но долго на плаву оставались совсем немногие из них. Мне повезло, и я смогла отработать в своем банке двадцать с

лишним лет, два раза уходя в короткий декрет, хорошо поднявшись по карьерной лестнице. В нашем филиале только бешеная Алена была моим начальником, но, видимо, чувствуя, что я могу в ближайшее время занять ее место, решила избавиться от меня. Но каким образом? Наверняка, она уверена, что, узнав об измене мужа, я напишу заявление по собственному. А вот накося выкуси.

Познакомила я начальницу и мужа четыре года назад на новогоднем корпоративе. Сейчас я могу вспомнить, как загорелись ее глаза. А тогда не обратила на это никакого внимания.

Я вышла в прихожую, глянула на папку с документами, которые машинально, выбегая из квартиры начальницы,хватила с собой, и облегченно вздохнула – хорошо, что в порыве эмоций не выкинула никуда важные бумаги. Оттуда же, из прихожей, позвонила Алене Петровне и пожаловалась на плохое самочувствие, из-за которого не смогла выполнить ее поручение. В ответных вежливых словах послышалось столько металла, что ими можно было забивать гвозди.

Я остановилась напротив зеркала во весь рост и пристально посмотрела на себя. Затем сняла бледно-голубую блузку, бросив ее на пол рядом с собой, расстегнула костюмную юбку и она мягко упала к ногам. Немного раздавленные бедра, опустившиеся груди, впадины под ребрами. В целом, если

не придирайтесь, для сорока семи совсем не плохо. Довольно высокая, подтянутая – я все еще бегаю по утрам, несмотря на то, что правую коленку иногда “простреливает”. Вытравленные перекисью волосы модно подстрижены, косметика скрывает все несовершенства лица, голубые глаза выделяются на лице большими чайными блюдами. Что ни говори, а я все еще ничего!

Я засмеялась, и мое отражение засмеялось вместе со мной. Собрала с пола одежду и пошла в ванную.

Игорь пришел поздно, когда я, сидя после душа на мягком диване в зале, читала очередной роман о средневековой красавице, попавшей в переплет и чудесном рыцаре, готовом на все ради ее прекрасных глаз. Полупустая бутылка коньяка заняла свое привычное место – в тумбочке у кровати. Голова немного кружилась, строчки расплывались перед глазами, но настроение было замечательное. Не было ни-че-го...

Он поцеловал меня в щеку, обдав незабвенным ароматом туалетной воды и спросил, как прошел мой день. Я рассказала, как поехала сегодня к начальнице, но по дороге у меня скрутило живот, и пришлось отправиться домой. Из дома позвонила начальнице, извинилась. Я с интересом наблюдала за его лицом, и, клянусь, если бы я не знала, чего ожидать, то совершенно не заметила бы этого холодного ужаса, мелькнувшего в его бледно-голубых глазах и нервной дрожи облегчения, которая свела его до сих пор мужественные скулы. Боится, гад. Знает мой характер. понимает, чем все мог-

ло кончится. Нет, не та ты, Вера, уже не та. Не оправдываешь надежд (или опасений) мужа.

Раньше было все – и истерики с разводом, и битье посуды и молчание неделями-месяцами. Ванька, когда уезжал учиться в 17 лет в областной центр, признался, что жизнь в нашей семье – как на пороховой бочке. Никогда не знаешь, чего ожидать в следующую минуту – всепоглощающей любви или всеистребляющего напалма гнева. А вот последние пару лет, появление внука, может быть, стало тому виной, я совсем раскисла. В хорошем смысле этого слова – стала спокойнее, сдержанней, и если мы и скандалим, то не чаще раза в сутки.

Ну вот, начала копаться в себе, искать в себе вину. Неужели мужу стало так скучно со мной, что он решил искать острых чувств на стороне? Бред же! Я почувствовала, что начинаю заводиться, отбросила в сторону книгу, на которую бессмысленно смотрела уже минут 10 и подошла к темному окну.

А осень моросила... Ленивые струйки стекали по оконному стеклу с такой безнадежностью, что я на пару минут окунулась в эту безнадежность, и горло перехватила боль, не дающая дышать. И вынырнула – как будто по голове ударили. Повернулась в комнату – яркий свет, широкий телевизор на стене, сытый муж на светлом диване. Красота! Чего еще для счастья надо?

И сказать-то некому – нет у меня подруг, так, коллеги по

работе да пара приятельниц, с дочерью на такие темы я разговаривать не привыкла, с матерью и братом я больше десяти лет не общаюсь

О чем это я? Не было ничего.

Подошла, присела рядом. Положил руку на талию. Погладил. Идиллия.

Мы заехали в квартиру, подаренную его бабушкой, когда там были только голые стены. В прямом смысле этого слова. Город активно строился. Инге Васильевне, работнице завода, выделили большую трехкомнатную квартиру, на окраине города. Сама она жила с сыном – отцом Игоря. Ни садика, ни школы не было рядом с новым микрорайоном, хотя фундаменты под учреждения уже заложили.

В ту пятницу я возвращалась с работы поздно, долго просидела за бумагами. Путь мой пролегал через пустырь, по территории будущего детского сада. Я шла быстро, морозный осенний воздух приятно охлаждал разгоревшиеся от быстрой ходьбы щеки. Игорь был на ночной смене, и я предвкушала вечер в полном одиночестве. Что ни говори, даже горячо любящие люди иногда надоедают друг другу...

Он появился неожиданно, как из под земли вырос, откуда-то сбоку выскочил на узкую тропинку. Худая жилистая фигура на фоне, черным трафаретом вырезанная в чуть менее черном холсте неба. Я даже не испугалась.

И страх, и воспоминание о трех девушках города, не до-

шедших домой за последние два месяца – все это было уже позже, после того, как страшная история подошла к своему логическому завершению.

Он протянул руку, пытаясь вцепиться рукой в горло, и этот прием сработал бы, не обладай я такой хорошей реакцией. Я нырнула ему под руку, правой рукой с размаху вцепившись в мужское достоинство маньяка с цепкостью бульдога. Распрямылась за его спиной, и он, вереща от боли, как баба, повернулся вслед за мной. Больно ударил меня по лицу кулаком, рот наполнил приторный вкус крови, и здесь оторопь от неожиданности прошла, и пришла дикая ярость. Ах ты, сука ты нерусская!

То, что он нерусский, а выходец из какой-нибудь западной Азии, я поняла как-то вдруг, по запаху приправ, исходящему от его мешковатой одежды, по сухой коричневой коже рук, так близко знакомой моей челюсти.

Я взревела диким зверем и рванулась в бой.левой рукой я ударила его по лицу, но неудачно, удар прошелся вскользь по колючей щетине. Тогда, закрутив добычу правой руки по часовой стрелке, низко нагнула голову и боднула маньяка головой в подбородок. Так как он в этот момент неистово вопил, то от удара, видимо, прокусил себе язык и теперь мог только стонать. Я отпустила его, оттолкнула подальше от себя стонущее тело, напоследок долбанув его по голове сумкой с большим электрическим калькулятором – моей гордостью, подарком Игоря в первый мой рабочий день.

Я бросилась по тропинке вперед, в сторону дома, но, практически добежав до него, вдруг остановилась. Нет, нельзя так спускать это ему с рук, иначе в следующий раз кто-то не сможет отбиться от этого чудовища. Опорный пункт находился недалеко – во дворе третьего от нашего дома, и я вновь припустила, пробежав мимо своего подъезда.

Когда мы с двумя молоденькими милиционерами прибыли на место происшествия, нападавшего там уже, конечно, не было. Рядом с тропинкой парни нашли острый кухонный нож, которым, видимо, и собирался воспользоваться монстр для расправы надо мной. Стражи порядка сердечно поблагодарили меня, пообещав найти подлеца, и Алексей, один из милиционеров, предложил проводить меня домой.

По дороге мы не разговаривали. Я была погружена в свои мысли и не замечала ничего вокруг. Вот именно сейчас ко мне пришел страх.

Те, кто побывал в подобной ситуации, прекрасно знают, как тяжело чувствовать себя жертвой. Мир переворачивается – вдруг – с ног на голову. Окружающее перестает быть привычным и безопасным, становится враждебным и чужим. Внезапно меня начали душить слезы и началась форменная истерика. Я смеялась и плакала, сидя на голой холодной земле. Алексей посмотрел на сие представление пару минут, затем поднял меня на руки, несмотря на мое сопротивление и понес в сторону дома.

Он был высоким блондином с безумно глубокими василь-

ковыми глазами, этот молодой милиционер, то есть совершенно не в моем вкусе. Он довел меня до дверей квартиры, заглянул в душу огромными васильковыми глазами. И вдруг наклонился к моему лицу и поцеловал. Это было каким-то помутнением, девятым валом, взрывом водородной бомбы.

Леша остался со мной до утра, утешая самым древним в мире способом. Не знаю, что ему было на службе, да никогда и не хотела знать.

Ушел он часов в семь, а к девяти вернулся с работы Игорь, показавшийся вдруг далеким и чужим. Я рассказала ему все, за исключением истории про ночного гостя, конечно. Как ни удивительно, он только посмеялся и пожалел незадачливого насильника. А потом пошел спать. Мне было обидно и грустно от такого отношения. Все же я девушка, которая нуждается в сочувствии и понимании. А еще мне было безумно стыдно и больно от осознания того, что я совершила.

Но, явившись в понедельник в отделение для дачи подробных показаний, я опять встретилась взглядом с этими голубыми глазами, и опять пропала.

Продолжалось это чуть больше месяца. Я надумывала разводиться, все дальше отстраняясь от мужа, такого бесчувственного и грубого на фоне нежного горячего Лешы. С Игорем мы начали постоянно ссориться, я цеплялась к нему по пустякам, устраивала глупые истерики – так выражалась моя беспомощность, незнание, как же все-таки поступить. А с Лешей мы встречались вечерами, когда муж был на ночной

смене, бродили по пустынным осенним пляжам, согреваясь портвейном. Уходили далеко за город и часами сидели, любуясь звездами, на берегу широкой, ленивой реки. Ночевали у меня, и он уходил с рассветом. Я боялась и в то же время ждала, когда любознательные соседи проявят бдительность и сообщат о ночных визитах Игорю. Но время шло, и все было тихо и спокойно – как будто Бог прикрывал нас от всех напастей.

А потом мы встретились. Мы с Игорем шли по рынку, выбирая продукты на будущую неделю. А навстречу шли они – веселая смеющаяся парочка. Его жене на вид было лет двадцать, не больше. На ее правой руке висел годовалый карапуз, толстенький, голубоглазенький. Под левую руку ее держал Леша, стройный и подтянутый. Он нес большую сумку и выглядел невероятно счастливым.

Черная ревность затмила мне душу, обида за то, что он ничего мне не сказал про свою семью. А ведь я была так откровенна с этим человеком, подкупавшим своей искренностью и честностью. Ради него я готова была разрушить свою семью. Но не его.

Мы виделись еще много раз, город у нас все же очень маленький, и всегда дружелюбно здоровались. Пару раз даже поговорили о погоде и о политике, в ожидании автобуса. А в остальном – все прошло бесследно и необратимо. Игорь так и не узнал, насколько близок он был к разводу, и о моем мимолетном увлечении.

Вот только Машка, которая родилась с васильковыми лучистыми глазами, иногда напоминала мне об этом приключении молодости.

Так что, Вера Павловна, вспомните, что срок давности на такие преступления не распространяется, и успокойтесь. Как говорит одна моя коллега, ухаристая баба за шестьдесят: «Надо делиться, а причиндал даже за десять лет ни на сантиметр не стирается».

Алена Петровна подкрашивала губы, когда я зашла в кабинет.

– Вера Павловна, у меня к вам серьезный разговор, – дряблый подбородок вызывающе вздернут. Слишком бледная кожа просвечивает, морщинки на лбу и в уголке глаз видно отчетливой. Волнуется. Но голос – железобетонный.

– Да? – я вопросительно подняла брови, присаживаясь на стул у большого стеклянного стола. Как многие маленькие люди, моя начальница предпочитала окружать себя большими вещами. Вот и этот стол, огромный до неприличия, был лишним в этом угрюмом кабинете – никаких конференций, на которых требовалось присутствие большого количества людей, она не проводила.

Утопая в большом темно-зеленом кресле, Алена Петровна нервно потарабанила пальцами по подлокотникам.

– Вера Павловна, вы не справляетесь со своими обязанно-

стями.

Сказала, как отрезала. Я продолжала улыбаться, не понимая смысла этих слов. А когда поняла, улыбаться перестала.

– Я... что???

– Вы провалили сделку с хлебозаводом, не смогли договориться о перезаключении контракта на будущий год. Ведь так? – она подняла на меня свои черные глаза. Правое веко слегка подрагивало от напряжения.

– Нет, не так. Не продлять контракт было вашим решением, вы передали работу с хлебозаводом Центральному подразделению, – я говорила совершенно спокойно.

– Я? – такого удивления и чувства оскорбленной невинности я не видела ни разу в жизни. – Вы можете предоставить какие-то подтверждающие документы, что это мое решение, а не ваша грубая оплошность?

Нет, предоставить таких документов я не могла. На всех документах злосчастного хлебозавода стояла моя подпись, во всех комиссиях значилась только моя фамилия. Я замерла. Мозг заработал со скоростью пулемета. Она подставила меня! Еще пара неудачных переговоров, неудачных именно по инициативе начальницы, теперь станут оружием против меня. Я вдохнула и выдохнула, досчитав до 10.

– Итак? – посмотрела на Алену Петровну, не испытывая особого удивления.

– Вы должны уволиться, пока этими эпизодами не заинтересовалась служба безопасности Центрального Банка и ге-

неральный. По собственному.

Я готова была громко смеяться, но молчала. “Ну вот и понятно, как она решила выпереть меня с работы. Да еще и мужа моего себе прикарманить. Умница, не разменивается, все в одни ворота.”

Мой стеклянный взгляд прямо в глаза все-таки вывел ее из себя, и она заговорила быстро, громко, с надрывом:

– И эти ваши болезни, совершенно не вовремя. Не доставив мне вчера документы, вы невероятно меня подставили!

Что было дальше, я помню смутно. Помню только черную волну, которая затопила мое сознание, а потом ее истошные крики, охранника, который недоверчиво-испуганно пытался удержать мои руки, бледное лицо, на правой скуле которого начинало расплываться сиреневое пятно, кровь на дубовой столешнице. Видимо, я била ее головой об стол. Помню, как она кричала:

– Вы должны немедленно уйти, без отработки. Иначе я напишу на вас заявление!

Что-то я сомневалась, что она не подаст заявление, даже если я уйду, но, осознавая всю безвыходность ситуации, я выскочила из банка, схватив только свое пальто – перчатки и платок остались лежать в комнате для персонала на второй полочке справа...

Осень встретила меня промозглым ветром и противной моросью, которая через пару секунд сумела пробраться под воротник и поползти липкими щупальцами по спине. Хотя

еще не было 12 часов дня, над городом сгустились сумерки унылого осеннего дня.

Мне было весело. Люди, ожидающие разрешающего знака светофора на перекрестке, с удивлением поглядывали на меня. Еще бы – смеющаяся растрепанная женщина под дождем с неприкрытой головой. Чай, не 15 лет, можно ведь и простудиться, бабуля! Я смеялась, хотя понимала, что этот смех – всего лишь предвестник истерики. Ничего. Игорь сейчас дома – где ему быть? Работает он вахтами, его про... тьфу на нее, на работе. Сейчас я скажу ему все. Все...

Я стояла на краю тротуара, нетерпеливо переступая с ноги на ногу. Когда же загорится зеленый? Слева, на свой мигающий зеленый, поворачивал мусоровоз, бока его оранжевого кузова были испачканы чем-то серым, и дождь почему-то не мог смыть эту грязь. Я почувствовала чью-то ладонь между лопаток, ее огромную силу, толкнувшую меня вперед.

Бампер мусоровоза тоже был вымазан этой серой неизвестной грязью, тонким слоем, и даже на номере было пятно. 236. Я не могла оторвать взгляд от этих цифр, которые надвигались на меня так быстро и вместе с тем ужасающе медленно. Еще секунда – боль в ладонях, содранных об асфальт исчезла в тот же миг, как и появилась, и другая боль – огромная, заставившая весь мир сжаться в одну точку – эпицентр той самой боли где-то внутри меня, навалилась на меня вместе с темнотой.

Глава 2

Я резко распахнула глаза. После чернильной темноты, окружавшей меня, свет резанул по глазам так, что сразу заломило в висках. Белые стены и потолок поначалу показались мне нестерпимо яркими, но потом, когда ослепление прошло, я заметила, что цвет скорее грязно-молочный. Медсестра в марлевой повязке развязала жгут на моем предплечье.

– Все, можете разжать кулак.

Голос был каким-то металлическим, неживым. Она протянула мне жилистую руку и помогла встать. Голова закружилась и ноги слегка подкосились. Что, черт возьми, происходит? Я посмотрела на свои ладони – ни следа от недавнего соседства с грязным асфальтом злополучного перекрестка. Все поплыло перед глазами. Худая медсестра с необыкновенной для такого хрупкого тела силой подхватила меня под мышки и потащила к кушетке в углу кабинета.

– Ириша, тут у нас, похоже, перебор!

В дверях тут же показалась полненькая румяная девушка, которая на ходу разворачивала шоколадку, выуженную из кармана огромного синего халата.

– Ну что ж вы, маменька, так перестарались? – пропела она, вручая мне шоколадку и сама поднося мою руку к моему же рту. – Вас же предупреждали, раз в неделю. Не чаще.

Я сглотнула и постаралась глубоко дышать. Что происходит? Почему у меня ничего не болит? Неужели я так испу-

галась мусоровоза, что вся эта боль была всего лишь взрывом в моем мозгу? А шофер успел среагировать и вовремя притормозить?

Ириша уже материализовалась рядом со мной, держа в руках алюминиевую кружку с дымящимся чаем. Я благодарно кивнула, принимая кружку из ее рук.

– А кто мой доктор? – спросила я, обжигая губы горячей жидкостью

– А зачем вам врач? – тонко выщипанные брови на круглом розовом лице удивленно поползли вверх.

Я перевела взгляд на обычный деревянный стул в центре кабинета. Там с умопомрачительной скоростью сменялись люди. Худая медсестра брала кровь большими шприцами, наполняя стеклянные пробирки, которые, в свою очередь, отправлялись в специальные квадратные контейнера – холодильники. У противоположной от кушетки стены скопилось уже довольно много этих контейнеров, они стояли друг на друге в несколько рядов. Да, работа кипит. И это хорошо. Чем больше крови мы им дадим, тем безопаснее будет на улице.

О Боже, о чем это я? – я тряхнула головой, отгоняя непонятно откуда взявшиеся мысли.

– Да, мне нужен врач. Я ведь чуть не попала под машину, я хочу узнать, какие лекарства мне вводили, какие исследования делали?

Брови, казалось, совсем исчезли под кружевной синей ша-

почкой. Иришка изумленно огляделась вокруг, видимо, в поисках той самой машины, под которую я попала.

– Мааааш, – протянула она вдруг погрубевшим голосом. – Еще одна, третья за день.

Маша пожалала плечами, не отрываясь от своего занятия. Но парень, у которого в этот момент брали кровь, с интересом посмотрел на меня. У него был большой кадык и темные мешки под глазами. И вообще он всем своим видом напоминал наркомана.

– Я за Вакилем Гильфановичем, – муркнула Иришка, мелькнув своим необъятным синим халатом. Я с облегчением вздохнула – сейчас придет врач, он мне все и расскажет.

Врач пришел минут через 20, я уже успела допить чай и сжевать приторную шоколадку. Он был высоким, носатым и ужасно волосатым – волосы выбивались из воротника его облегающего халата, торчали из ушей и кустились в носу. Крепко взяв меня под локоток, Вакиль Гильфанович потащил меня к дверям в коридор. Узкое помещение было забито людьми, видимо, ожидающими своей очереди на сдачу крови.

– Дорогуша, сейчас мы с вами поставим укольчик и вы немного поспите. А потом мы с вами поговорим. Просто вы сдали слишком много крови. Вы почему себя не бережете?

Я подняла на него глаза и заговорила, не понимая ни слова из того, что я говорю:

– Доктор, а зачем? У меня больше нет никого, ради кого

стоит жить. Может быть, какая-то из тварей захлебнется моей кровью, наконец?

Доктор поморщился и отпустил мой локоть.

– Верочка, – заговорил он с неуловимым акцентом, – вы не одна такая. В городе, в стране, да и в мире вообще, похоже, не осталось ни одного человека, у которого не пострадал бы кто-то из семьи. Я все прекрасно понимаю. У меня погибла мать. А жена... Она... С ними.

Он вызывающе вздернул подбородок, наблюдая за моей реакцией – не исказится ли мое лицо ненавистью, не отпряну ли я. Я понимала его, помнила, как это больно и горько...

Я ничего не понимала!!!

– Вак-к-киль Г-г-гильф... – я вдруг начала заикаться, голос сорвался. – Все в порядке. Я пойду. Я обещаю, что не приду ближайшие две недели.

Он недоверчиво посмотрел мне в глаза, и, видимо, найдя там что-то, что успокоило его, кивнул и взял бейджик, который висел на моей груди на ярко-синем шнурке (а я-то думала, откуда он знает мое имя?), достал из нагрудного кармана халата маленькую печать, шлепнул ее на обратной стороне прямоугольника. Бейджик был сплошь покрыт этими печатями.

Еле передвигая ноги, я отправилась к выходу. Здание было незнакомым, и пришлось немного поблуждать. Затем я сориентировалась, и просто пошла за пареньком в оранжевой куртке, который прижимал предплечье к груди, как мла-

денца. Видимо, он был сразу после сдачи крови, и спешил к выходу. Воздух встретил меня той же моросью, что и сегодня днем. Днем ли? Что происходит вообще? Почему эта огромная куртка с накладными карманами и шапка с помпоном, которую я натянула, спасаясь от дождя, не вызывают во мне удивления, и я чувствую себя в них уютно, как в своей одежде?

Автобус мигнул два раза, отъезжая от остановки. Я оглянулась, и бросилась к нему, семена по лужам в асфальте – огромным глубоким лужам, ощущая панику в груди. все-таки городская станция сдачи крови находится за городом, очень близко к лесу, в лесу бродят дикие неучтенные твари, а я без оружия. Люди обычно собираются в кучку в большом фойе станции, и уже все вместе спешат к автобусу, подрулившему к остановке.

Отъезжающий автобус подождал меня, и, присев на жесткое сиденье, последнее незанятое место в салоне, я принялась разглядывать людей вокруг. Они были странными. Отрешенными какими-то. Жуткими.

Интересно, а все так же сходят с ума?

Весь мир становится чужим, враждебным, страшным. А вот мои мысли совсем не кажутся мне нелогичными и противоречивыми. Моя квартира – со светлым диваном и уютным светом от современной люстры ждала меня или все же плотно занавешенные теплыми одеялами окна и старая продавленная софа в углу? И то и другое – совершенно реаль-

но, и то, и другое, провожало меня сегодня утром, когда я выходила из дому. И Игорь...

И горечь, и злость ворвались в мою душу одновременно. Гад, сволочь, изменник! Да я отрежу тебе я... тьфу ты, Вера, ты же воспитанная женщина! Но... но его нет. Его нет уже пять лет. Пять лет ежедневной боли и страха, пять лет бессонницы, короткое забытие между приступами которой всегда заканчивалось одним и тем же кошмаром: ужасная вампирша, моя дочь, отрывает голову моему мужу одним небрежным движением и отбрасывает ее в сторону, брызнув с кончиков пальцев кровью. Его кровью. И смотрит на меня. Может быть, именно такой взгляд видит запеченная в духовке курица с грибами и картошечкой от голодного до обморока человека.

Нет! – я понимаю, что кричу, тонко и страшно, но люди в автобусе не удивлены, кто-то вздрогнул от неожиданности, вырываясь из беспокойной дремы, а кто-то даже не оторвал взгляда от дороги, мелькающей за окном автобуса.

Я вдруг хихикнула. Интересно, сколько нужно времени, чтобы меня поймали и упекли в комнату с мягкими стенами?

Думаю, пара-тройка часов у меня точно есть. Ну, берегись, Игореша. Я того... самого... Так что я за себя не отвечаю!

Город был таким же, как и вчера. Только исчез куда-то супермаркет, построенный на перекрестке центрального проспекта и моей улицы. Ярче стало освещение вдоль дороги.

На заборах и домах появилось много граффити. Яркие, красивые рисунки, даже через пелену дождя радуют глаз.

На перекрестке опять пришлось долго ждать. Как же субъективно время! Горел красный, хотя за все время мимо меня проехало от силы машин восемь. Иногда разрешающий знак загорается за пару мгновений, а иногда за пару часов. Хотя объективно проходит одно и то же количество времени. Нда, Верочка, наслаждайся жизнью. Скоро тебе придется созерцать только мягкие стены твоей палаты.

Я прошла по мокрому тротуару, разбрызгивая лужи, к своему дому. Он был серым и нелюдимым. Впрочем, как и все дома вокруг. Странно, по ощущениям было не больше восьми вечера, а народу на улице уже почти не было.

Я поднялась по лестнице, ярко освещенной, чего сроду не было в нашем подъезде – алкаши с третьего этажа постоянно выкручивали лампочки, на первом этаже еще вчера раскуроченный, будто взрывом, плафон, был предметом возмущения моей соседки снизу Михалны. Лифт не работал. Это следовало из объявления, которое висело в центре пересечения оранжево-полицейских лент, перекрывавших в него вход.

“Ради вашей безопасности рекомендуем не пользоваться лифтами. Лифт не работает” – просто и немного нелогично было написано на когда-то ламинированном листе формата А4. Сейчас листок коробило от старости и перепадов температуры.

В квартире было очень тихо. Я с интересом оглядела ком-

нату – какая она? Яркая и светлая с мягким диваном или зашторенная, со старыми обоями (о Боже, это обои, которые три года назад мы поменяли на новые, самые современные).

Я скинула ботинки – полы, как всегда, чисто вымыты, чистоплотность никуда не делась. Надела тапочки, которые всегда стояли у балконной двери и вышла в ночь.

Город сиял.

Свет отпугивает тварей. Не то, чтобы убивает их, нет, просто ослепляет, дезориентирует, и по силе и ловкости вампиры становятся практически равны людям. Тогда у нас появляется шанс выжить, если есть возможность отбиться. Сейчас, по прошествии пяти лет после начала эпидемии, дикарей практически не осталось, но не факт, что вирус не проснется завтра в твоём соседе, и он не сумеет уклониться от патруля. Все еще ломаются генетические цепочки, нагруженные мощнейшим вирусом, направленным на уничтожение нации. Гребаные ученые, надеюсь, они давно сдохли, предварительно сожрав своих детей.

Я закурила. Сигареты лежали на подоконнике, как лежали всегда. Но я никогда не курила! Память возвращалась неотвратимо, так накатывает волна прилива на берег.

Я помнила эту неделю – самую страшную неделю своей жизни. Пять лет назад, в один далеко не прекрасный день, последний день первого месяца лета, на западе Европы произошла авария на каком-то суперсекретном военном заводе. Там разрабатывался вирус, который должен был воздейство-

вать на гены людей, превращая их в “живых мертвецов”, кому-то из высших мира сего не давали покоя лавры режиссеров фильмов про зомби.

Как ни старались скрыть власти масштаб трагедии, освещающая событие как вспышку эболы, и возводя стены карантина вокруг зараженных территорий, мир сошел с ума за неделю. Именно столько потребовалось вирусу, чтобы проникнуть в самые удаленные уголки планеты.

Ванька хотел пойти учиться на доктора. Он очень любил анатомию в школе, сдавал ЕГЭ по биологии, мы оплачивали дополнительные курсы для подготовки к поступлению в медицинский университет. В седьмом классе он пошел волонтером в ветеринарную клинику и хорошо разбирался в животных, очень любил бедных животинки, будь то взбесившаяся белка или облезлая кошка.

А вот Машка выросла циничной и эгоистичной. Я иногда даже поражалась, настолько эти качества взрослой Маши не вязались с тем ребенком, каким она была лет двенадцать-пятнадцать назад, такой нежной и любящей. Подростковый возраст, казалось, стер все доброе, что заложила в ее характер природа.

Дочь могла спокойно уйти из дома на несколько дней, совершенно не беспокоясь о том, как я чувствую себя, как стираю ноги, отыскивая ее по злачным местам и квартирам многочисленных друзей. Телефон как средство связи вообще игнорировался ей. Это была не девушка, а космический при-

шелец – безумно красивая, безумно равнодушная ко всему вокруг, в том числе к своему внешнему виду, но всегда свежая и сияющая, как принцесса из сказки. О, как мы с ней ругались! До хрипоты, до истерики, даже дрались несколько раз.

Но мы любили друг друга, что бы ни случилось, как бы ни вели себя в обыденной жизни. Когда я попала в больницу, сломав ногу на обледенелой дороге, она приходила пешком с другого конца города и сидела под моими окнами часами. В отделении был карантин, и посетителей не пускали. Она дарила мне подарки на все праздники с покерфейсом, но всегда угадывала с презентом – я всегда получала все, что нужно, всегда вовремя. Я же готова была простить ей все – любой ее поступок тускнел, когда на меня глядели ее безумно любимые васильковые глаза...

Глава 3

Мы успели собраться всей семьей в квартире, забаррикадировали окна и двери, запаслись едой и водой. Ванька все рвался в бой, размахивая кухонным ножом. Игорь был угрюм и неразговорчив. Машка спала сутками – она вообще выглядела нездоровой, выпила весь парацетамол, пытаясь сбить температуру. Телевизор перестал показывать на второй день, рябь, которую транслировал экран, глушила и сводила с ума.

Через три дня заточения-засады я проснулась ночью от взгляда. Она смотрела на меня красными глазами. Она хоте-

ла меня убить. Я поняла это сразу. Тонкая, почти прозрачная в темноте комнаты, моя дочь источала опасность. Ребенок, которого я рожала, носила на руках, душила в объятьях от всепоглощающей любви, хотел меня убить.

Это понимание, которое появилось за долю секунды, спасло мне жизнь. Я не стала укорять ее, или спрашивать, что случилось. Резко скатившись с кровати, я бросила в Машу стаканом, который стоял на тумбочке в изголовье. Она плотоядно взвизгнула и бросилась ко мне, с нечеловеческой скоростью, но, каким-то чудом сообразив открыть дверцу шкафа, я ударила ее в устремленное вперед лицо. Она хрюкнула, ее слегка развернуло. Взгляд новоявленной вампирши снова упал на кровать. Игорь уже открыл глаза, но еще не до конца проснулся. Или просто не смог принять того, что происходит.

Дочь схватила его, приподняв над кроватью, за волосы. Я нащупала выключатель рукой, заведенной за спину, отступая к выходу из комнаты. И в тот момент, когда вспыхнул свет, Маша оторвала отцу голову. Кровь из горла брызнула к потолку, облив мою любимую девочку с ног до головы.

Она смотрела на меня, гипнотизируя взглядом. Потом припала к горлу жертвы, глотая кровь, словно страдая от жажды. Я не могла сдвинуться с места, наблюдая за самой ужасной картиной в мире.

Рядом что-то хрюкнуло. Ванька стоял с открытым ртом, хлопая заспанными глазами.

Он вдруг мелко затрясся, и бросился в свою комнату. Я смогла, наконец, очнуться, и метнулась за ним. Широкий острый нож лежал на книжной полке, рядом с детскими книжками и модельками машинок, с которыми семнадцатилетний мальчишка никак не мог расстаться. Он схватил его тонкой загорелой рукой и развернулся ко мне – красивый, хрупкий, решительный. Отодвинув меня в сторону, быстро пошел обратно.

– Ванька, неееет! – я попыталась поймать его, защитить, прижать к себе и спрятать от всего страшного, но он уже замахивался на сестру острым кухонным ножом.

Все происходило настолько быстро, что сейчас, на балконе, сползая спиной на пол, я удивлялась, насколько подробным было воспоминание – почему-то оно занимало больше времени, чем произошедшая реальность.

Маша отшвырнула брата к стене, ослепленная ярким светом, она уже не имела прежней нечеловеческой силы, но все же была сытым вампиром, о которых впоследствии я узнала все. Поэтому у Ваньки перехватило дух от удара, но буквально через секунду он бросился в новую атаку.

Дочь взвизгнула, отбрасывая опустошенное тело недавно близкого человека, и бросилась к балконной двери. Нож успел задеть ее спину, разрывая тонкую ткань ночной рубашки и оставляя ровный глубокий след. В следующую секунду в сторону полетели мешки с одеждой, которыми была завалена дверь, она работала быстро и сосредоточенно, и я, не желая

привлекать внимание монстра, которого выкормила своим молоком, схватила сына и оттащила его назад. Он попытался скинуть мои руки, глаза мальчишки горели яростью и азартом. Секунд через тридцать вампирша была уже на балконе. Перед тем, как спрыгнуть на землю с высоты четвертого этажа, Маша повернулась. Она выглядела растерянной и одинокой. Хотя, возможно, мне показалось в темноте. Заболевшие не чувствуют ничего, кроме голода, пока не достигают перенасыщения. А для этого им нужно “выпить” не один десяток человек. Или не один десяток литров донорской крови.

Все это я узнаю позже. Уже после того, как Ванька пропадет на улицах ночного города, после года полубессознательного состояния от боли, которая разрывает изнутри и не дает дышать. В то время, когда я научусь защищаться и защищать других.

А потом они вдруг поумнели. И запросили мира. На то, чтобы понять, что худой мир лучше доброй ссоры, у выживших ушло еще пара лет. Спустя 4 года, после того, как в ту памятную ночь я вышла из квартиры, я вернулась обратно. Бесчувственно и методично я убралась. Запаха уже не было – разбитое кем-то окно послужило прекрасным подспорьем в этом, а морозные, как никогда, зимы, выморозили брошенный дом.

Вскоре запустили центральное отопление, дали воду. Жизнь вернулась в прошлое русло. Почти.

Люди не заражались снова, но вирус, который проник в генные цепочки пять лет назад, еще делал свое черное дело. Он мог “стрельнуть”, превращая человека в монстра за секунду. Вампиры забирали новообращенных и “воспитывали” их, отпаивая донорской кровью и не позволяя убивать людей. Жизнь продолжалась. Но не у всех.

Я встала с пола, непроизвольно покряхтывая – все-таки сорок семь лет, не детский возраст, да и кочевая жизнь не прошла даром. Отправилась внутрь квартиры, и вдруг замерла, дыхание пережало, и чувство одиночества попыталось задушить меня. Ощущение было настолько сильным, что я инстинктивно потянулась руками к горлу, пытаюсь ослабить хватку.

Черт побери, что происходит? Какие, нафиг, вампиры, какие, к чертовой бабушке, доноры! Я сошла с ума, мне нужна помощь!

Или наоборот? Я до такой степени ошалела от одиночества, что придумала себе спокойную счастливую жизнь, проигнорировав смерть близких? И опять же – я в любом случае того. Ку-ку...

Или это розыгрыш? Огляделась вокруг, пораженная этой мыслью, готовая увидеть отблеск скрытой камеры или притаившегося на балконе соседнего дома оператора. Да ну, бред! Такие изменения всего, что меня окружает, недоступно никому, даже сверхчеловеку. Только моему сознанию...

Я заскочила в комнату, хлопнув балконной дверью. Она

недовольно зазвенела стеклом. Бросилась к шкафу, в котором хранились фотографии. Вот же все альбомы – разбухшие и покореженные от пережитых перепадов температуры, но те же. Вот мы – Ванька в восьмом классе, так старается казаться взрослым, но такой трогательно-маленький. Машка на выпускном – дерзкая, красивая, в шикарном платье. Мы за ним ездили в соседний город, за 300 километров, ничего, что можно было найти в нашем городке, дочку не устроило. А вот и последняя фотография – примерно за две недели до начала этого ада я забирала проявленные снимки из ателье. Мы вчетвером стоим на фоне огромного куста сирени. Все, больше ничего. Нет альбома с фотографиями с Машкиной свадьбы, с выпускного сына. Засунув руку поглубже в шкаф, достала три коробочки непроявленной пленки. На одной из них как раз фотографии прекрасного июньского дня – я не успела унести в ателье снимки с выпускного Ивана. Фотоаппараты лежат здесь же. Пленочный, мой любимый, с севшими батарейками, и современный, цифровой, стоивший пять лет назад бешеных денег. Он тоже не включился, а шнур для подзарядки я не нашла. Поняв бессмысленность своих действий, я с бешенством захлопнула дверцу шкафа, так, что он пару раз опасно качнулся.

Примерно через полтора часа, устав от тяжелых, перекачивающихся в мозгу, словно большие гладкие камушки, мыслей, я уснула. Не гася света.

Ванька хотел похоронить отца, но у меня почему-то не хватило силы воли просто зайти в нашу семейную спальню.

Мы пытались куда-то звонить, игнорируя крестики на палочках, показывающих связь, на наших телефонах. Экстренная линия была постоянно занята. в тот момент я сильно пожалела об отрезанной радиоточке, уж по ней-то наверняка можно было получить какую-то информацию.

Рассвет занимался, обещая прекрасный солнечный летний день. Мы собрали пару рюкзаков, взяв самое необходимое. Сын положил в карман любимую модельку, черный хромированный БМВ, настоящую копию автомобиля, с открывающимися дверками и искусно выполненным логотипом компании. Я собрала всю еду, которую нашла в квартире, понимая, что сейчас вряд ли с легкостью можно забежать в круглосуточный супермаркет за парой сосисок. Не забыла и про теплые вещи. Перебороть себя и войти в спальню я так и не смогла, поэтому взяла толстовки сына, все, которые вошли в рюкзак.

Вооруженные ножами, сначала попытались достучаться до соседей по этажу. В двух квартирах за дверями стояла гробовая тишина. В третьей, там, где жила молодая пара с ребенком и красавцем-сенбернаром, на наш стук кто-то откликнулся рычанием. Не собачьим рычанием. В дверь с обратной стороны ударило тело, полотно опасно завибрировало, но выстояло. Ума у новоявленного кровопийцы явно не доставало – открыть засов или вставить и провернуть ключ

он не догадался. Хотя что-то мне подсказывало, что в соседской квартире бушевала все-таки она, а не он, слишком уж высоким было рычание, женским каким-то, что ли.

Опасаясь, что другие двери не окажутся такими крепкими, я потянула сына на улицу, отговорив его от эксперимента по поиску живых соседей.

Город как будто вымер, тишина стояла страшная, как перед большой бедой. Или после. Кровавые разводы тут и там пятнами проявлялись на асфальте. Со стороны центрального проспекта один раз донесся звук мотора. Мы решили идти в сторону здания администрации, почему-то Иван надеялся найти там живых нормальных людей. Мне хватило юмора пошутить насчет того, что там и раньше-то, до вируса, нормальных людей отыскать было сложно, и мы даже немного посмеялись.

А птицы старались вовсю. Не заглушенные, как обычно, шумом города, они чирикали и курлыкали на все лады. Листва, яркая, сочная, отмечая разгар лета, даже резала глаз своим зеленым кипением. Что и говорить, наш маленький городок всегда утопал в зелени, но раньше это было как-то не столь заметно, сглаживалось, пряталось за бытовыми проблемами.

Мы шли прямо посередине дороги, опасаясь обочины, ведь высокая трава могла таить в себе множество опасностей, и еще больше озверевших людей. По пути нам попало несколько машин, в большинстве своем застывших изваяни-

ями на своих полосах. Пара автомобилей лежали на крышах на обочинах. Надо всеми кружились тучи жирных блестящих мух. Кровь владельцев или пассажиров окружала транспорт липкими потеками, и я порадовалась, что мы в спешке забыли позавтракать. Пару раз на нас кидались ошалевшие собаки, оставшиеся без хозяев. Но мы легко отбивались от них, даже не применяя силу. Одна бело-рыжая упитанная псина тащила человеческую руку с татуировкой на предплечье. Увидев нас, она положила добычу на асфальт и оскалилась. Затем взяла поклажу поудобнее в большую клыкастую пасть и обогнула нас по широкой дуге. Я ужаснулась от мысли, что вскоре по городу будут шастать стаи собак-людоедов.

Людей мы нашли в супермаркете, куда предложил заглянуть Ванька, справедливо рассуждая, что многие люди просто пойдут в места скопления еды. Так и сказал, вызвав у меня приступ нервного смеха, который перерос в икоту. И, так как набрать в бутылки воды дома мы благополучно забыли, то, срезав путь через дворы двух пятиэтажек, пошли в магазин.

Их было пятеро. Двое мужчин за сорок, один парнишка лет восемнадцати, и две женщины, одна помоложе, вторая примерно моего возраста. Они отоваривались, набивая рюкзаки и пакеты товарами бакалейного отдела. Мы влились в их компанию без вопросов, просто пошли с ними, и все.

Старший из мужчин, Василий, был отставным военным, поэтому неформально взял на себя командование нашим го-

ре-отрядом. Нашей основной целью на сегодняшний день было выжить, это понимали все, и мы, пройдя целый день под палящим солнцем, вышли далеко за пределы города по междугородней трассе, собрались на “военный совет”. Трасса была забита машинами, перевернутыми и застрявшими, трупный запах стоял невыносимый, но мы не углублялись далеко в лес, опасаясь вампиров.

И сам совет провели прямо посередине трассы, на свободном от машин участке дороги, под ленивыми лучами заходящего солнца.

– Куда мы идем? – спросила Оксана, старшая из женщин, с удовольствием вытянув ноги после долгой дороги.

Василий достал из нагрудного кармана пачку сигарет и закурил. Молчание продолжалось долго, больше минуты, но все ждали, что ответит он, все видели в нем защиту.

– В большие города нет смысла идти, их там очень много. Потому что там больше людей. Было...

– Но здесь же их нет, мы за целый день не встретили ни одного из этих тварей, – голос у сына сорвался.

– Они появятся. Я думаю, они спят днем, а гуляют по ночам.

Мы все испуганно посмотрели по сторонам. День заканчивался, и, хотя до настоящей темноты было еще далеко, все же ночь подступала неотвратимо.

– Я предлагаю дойти до поселка, – Василий махнул рукой по направлению к деревеньке, до которой оставалось пару

часов ходу. – А мы с Костей постараемся найти пустую машину без мясной начинки внутри и съездить до моей родной деревни, здесь всего пятьдесят километров по трассе. Проедем, сколько позволит дорога, если что, немного пройдемся. Там у меня есть пара ружей, в доме матери. Да и у друзей по домам поискать оружие, если они сами не унесли все.

Он посмотрел в сторону города и потушил сигарету об асфальт.

– Все согласны?

– А почему Костя, а не я? – спросил Павел, второй мужчина из нашей небольшой компании.

– Мы не можем оставить женщин без защиты, а мне нужна помощь, – просто сказал Василий, резко поднимаясь и набрасывая на плечи тяжеленный рюкзак. – Если больше вопросов нет, нужно поторопиться, скоро стемнеет. Мы отправимся утром.

Так мы обрели дом. Большой, чистый дом на краю небольшой деревеньки. Мужчины наши вернулись с оружием, причем смогли набрать в родной деревушке Василия довольно много ружей, обрезов, замечательных широких топоров.

Мы тренировались ежедневно, чтобы уметь защищаться и убивать вампиров. К счастью, здесь они встречались довольно редко, но все же встречались. Много их было ближе к городу, туда мы выбирались часто, после того, как быт устаканился и стало скучно сидеть в глуши.

Если бы мне сказали за полгода до этих событий, я бы ни

за что не поверила, что смогу стрелять из укрытия по шустрым мишеням, прятаться, уходить от погони монстров, которые в разы сильнее людей и в сотни раз глупее их.

Мы познакомились с парой десятков таких же отможенных охотников, как и мы. Кто-то приходил к нам, кто-то уходил. Ванька вырос и возмужал за лето. Он познакомился с девочкой, группа которой поселилась в том же поселке, что и мы, но на другом его краю, и, видимо, между ними возникли чувства. Девочку звали Ира, она была белокурым тонким ангелом в черных брюках и серебристой ветровке, с двустволкой за плечами. Вампиры нагнали ее на центральной площади, их было двое, а она позабыла об осторожности и выскочила из укрытия рано. Она бежала очень быстро, но не успела. Ванька ломанулся к ней, но Павел, который оказался рядом, успел схватить его за локоть и удержать. Вампиров мы убили, но Ирочке это уже не помогло.

Ванька ушел следующей ночью, пока все спали. Я проснулась непривычно рано, что-то чувствуя, и не нашла его в их мальчишеской комнате. Выскочила на улицу, как была, в тонкой водолазке и трениках, не забыв прихватить только обрез, с которым не расставалась даже днем, готовя еду на нашу небольшую армию

Я искала его три дня, возвращалась в поселок, надеясь, что мы где-то разминулись по дороге, а затем уходила снова, забыв попить и поесть. На четвертый день, в состоянии, близком к обморочному, меня отыскал Василий, заставил

вернуться домой. Я не могла вдохнуть полной грудью еще две недели, вдохи получались поверхностные, но их хватало, чтобы жить. А жить не хотелось вообще. Ничего не хотелось. Но я осталась. С тремя большими дырами внутри – по одной на каждого дорогого мне человека, которого забрала у меня чудовищная разрушительная сила, сломавшая этот мир пополам.

Проснулась я от стука в двери. Патруль. Они всегда ходят в это время. Смотрят, не заразился ли кто за прошедшую ночь. В состав патруля всегда входит один вампир и один человек, для соблюдения толерантности, наверное, чтобы не допускать убийство новоявленных вампирят людьми. Твари, тьфу.

Я, опять побряхтывая, встала с продавленного дивана – я не застлала его перед сном, да и не раздевалась вовсе. Бывают у меня такие приступы забивания на все.

Свободно распахнула дверь, придерживая, на всякий случай в правой руке, скрытой обитым дерматином полотном, заряженный обрез.

Машка. Она стояла, глядя мне прямо в лицо серьезным, немного нагловатым взглядом. Это выражение было у нее всегда, обусловленное необычно-васильковым цветом радужки. Стояла и смотрела, слегка склонив голову набок – прислушиваясь к звукам в квартире. На ней была зеленая джинсовая куртка и очень узкие штаны. До чего же худая!

– Маша, Машенька! – я шагнула к ней, протягивая руки. Она уверенным движением перехватила обрез, выдернула его из рук, уперла ладонь мне в грудь.

– Не подходите, пожалуйста. Есть ли зараженные вирусом W в данной квартире?

За спиной дочери я увидела парня, явно человека, и непроизвольно хмыкнула – так он был похож на киношного красноармейца моего детства. Черная лакированная куртка, ясный взгляд, иссиня-черные кучерявые волосы и полосочка усов над по детски пухлой верхней губой. Патруль. А я-то думала, что она вернулась. Вспомнила и вернулась. Хотя они ничего не помнят, я ведь знаю это.

Я вообще не верила, что она до сих пор жива, в любом понимании этого слова. Очень мало живых представителей “новой расы” осталось с того, самого первого времени – борьба была ожесточенной и кровопролитной.

Вообще до сих пор люди спорят о том, кем же являются вампиры – мертвыми или живыми тварями? Да и название это – вампиры – им дано только от того, что они пьют кровь и обладают огромной силой и скоростью. Да еще и охотится предпочитают ночью, слабея от света, в том числе и солнечного. Но у них нет клыков, гробов, в которые они укладываются на ночь и... их можно убить. Никакой мгновенной регенерации – их раны заживают в 3-4 раза быстрее, чем у человека, но только и всего. Человеческими болезнями они не болеют, и, насколько на данный момент известно ученым,

не размножаются. Многочисленные исследования показали, что их мозг мертв, он не реагирует ни на какие раздражители. Даже в тот момент, когда подопытный ест или смотрит телевизор, приборы показывают нулевую активность. Но тела их функционируют замечательно. Человеческую пищу они могут употреблять, а могут и не употреблять. Они умеют читать и пересказывать прочитанное, но явно не проявляют никакого отношения к прочитанному.

Все это промелькнуло у меня в голове за пару десятков секунд – парочка патрульных уже прошла, минуя меня, запершую на пороге, в зал.

– Ты... Дочь моя, – сказала я вслед Машке, и голос предательски дрогнул. – Маша, посмотри, пожалуйста, на меня.

Обернулась. Ничего – ни интереса, ни удивления, ни злости. Ничего.

– Прошу тебя... – чего я хотела попросить у нее, я не знаю. Она, удовлетворенно кивнув, уже выходила из квартиры. Я сползла по стене, всхлипнув. Живая. Главное, живая. Или мертвая?

Парень присел на корточки напротив меня, погладил по голове.

– Не плачьте, мамаша, они же куклы. Не помнит она вас, и эмоций у нее никаких нет и не будет.

Моя девочка уже звонила в соседнюю дверь, стоя спиной ко мне.

Я опять спала. Уже не помню, когда я так долго и много плакала. Я давно уже решила, что выплакала слезы, отмеренные мне на всю жизнь. А наревевшись, уснула. Проснулась очень поздно. Небо хмурилось, моросило. Ненавижу октябрь. Самый нудный и депрессивный месяц. по крайней мере, для меня.

На душе стало спокойно и светло – это в моем характере. Взбалмошная и эмоциональная, я на удивление быстро смиряюсь с окружающей действительностью. Ну, живая Машка, ну, не узнала. Удачи ей. МОЯ дочь умерла той страшной летней ночью пять лет назад.

Я улыбалась – мне предстоял длинный и интересный день – я пошла на охоту. Сейчас редко удавалось побаловать себя прогулками по лесу – много развелось патрулей, да и запретили законодательно отстрел дикарей, но я иногда баловала себя. Думаю, сегодня такой день настал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.